

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 332.1

Н.М. Сурнина, О.В. Печура

ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹

В статье рассматривается спектр понятий научного направления «этноэкономика», представляется авторская трактовка этноэкономического феномена, очерчивается круг задач этноэкономики как области научной и практической деятельности, определяются основные свойства этноэкономики в контексте цивилизационных теорий.

Ключевые слова: этноэкономика, традиционная экономика, этническое предпринимательство, институциональная матрица

В современных геоэкономических условиях пульсирующим центром экономического развития становится евразийское пространство, формирующееся по принципу многополярности под влиянием политических, экономических и религиозно-этнических сообществ. Стойкие национальные (этнические) стереотипы, автостереотипы, аттитюды, генетические коды, представляющие собой неотъемлемую часть национального сознания и основу самоидентификации, противостоят унифицирующему воздействию глобализации и универсалистских стереотипов и способствуют курсу этнических и других меньшинств на самоутверждение. Этнический фактор остается настолько актуальным, что в последнее время в ряде стран территориально-государственное строительство получило два параллельных измерения – этническое и региональное. Вторым субъектом государственного строительства становится экстерриториальная национально-культурная автономия.

Несмотря на применение в отечественной социологической, политологической, культурологической, демографической, этнографической и экономической научной литературе таких понятий, как этнический фактор, этнические признаки, этничность, четкой трактовки данных дефиниций не существует, так же не существует единства мнений по поводу их композиционной структуры. Если оставить за рамками исследования расово-биологическую наполненность этничности, то следует отметить, что общим моментом в данных категориях выступают нравы, обычаи, религия, традиции, иногда особенности воспитания, образования или проблема идентификации. Подобная категориальная полисемия обусловлена, по нашему мнению, тем, что научные, объективные исследования этносов и этничности относятся только к началу, а также середине XX в. Применительно же к экономике этническая специфика начала подробно исследоваться лишь в конце XX – начале XXI в.

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта РГНФ «Этноэкономика: механизмы устойчивости и саморазвития (на примере республик и областей Урала)» (проект № 09-02-00154а).

Примерно в этот же период оживились этноэкономические исследования в России, поскольку рассмотрение этнических процессов в СССР через идеологическую призму не позволяло отступать от положений о национальном строительстве и формировании новой социалистической общности – советского народа. Экономисты советской школы подключились к исследованию этнонациональных проблем только в 60–70-х гг. прошлого века, останавливаясь на рациональном размещении рабочей силы по территории страны, признавая необходимость учета национальных особенностей занятости и потребления при разработке народнохозяйственных планов и констатируя неуклонное выравнивание уровней социально-экономического развития национальных республик, входящих в состав СССР [1. С. 136, 153]. В данный момент отечественные ученые в своих работах охватывают широкий спектр этнических проявлений в экономических процессах, рассматривая как общетеоретические вопросы, так и прикладные аспекты этноэкономического знания.

Этноэкономика как научное направление в широком смысле слова определена в Толковом словаре обществоведческих терминов – это «научная дисциплина, исследующая особенности экономической деятельности этносов» [2]. В научно-публицистической литературе присутствуют различные концепции этноэкономики, в частности, под ней понимаются:

- новая этноэкономика, ориентированная на повышение качества жизни населения на базе оптимальных схем воспроизводства традиций;
- этноэкономическая система, формирующаяся в результате органичного симбиоза этнонациональных конструкций и постиндустриальных воспроизводственных циклов;
- сугубо традиционный уклад хозяйствования этносов с чертами традиционного аграрного производства, часть продукции и услуг которого не принимает форму прямого товарно-денежного обмена;
- малое предпринимательство в сферах туризма, производства и реализации экологически чистых продуктов питания, традиционных народных промыслов, где серьезная роль принадлежит домашним хозяйствам;
- анклавные рынки труда, т.е. концентрация отдельных меньшинств в некоторых профессиях, а также контроль этнических диаспор за определенными секторами экономики по клановому принципу, включая криминальную деятельность;
- этническая самозанятость и этническое предпринимательство;
- экономический национализм с ярко выраженной этнократической компонентой (создание привилегий и преференций только для представителей одной нации).

Таким образом, этимология этноэкономики распространяется от консервативного традиционного, в том числе и аграрного, мелкотоварного хозяйства до новационных постиндустриальных компонентов хозяйствования; от макроуровня (уровня национальной экономики) до этнических традиций в рамках экономической деятельности домохозяйства или отдельно взятого предприятия. Современной этноэкономике присущи черты не только традиционного экономического уклада, обладающего достаточной устойчивостью, эндо- и экзогармоничностью, целевыми установками на целостное развитие

человека, но и способности к адаптации, восприятию, переработке и закреплению инноваций.

По нашему мнению, *этноэкономика* представляет собой научное направление, исследующее закономерности и механизмы взаимовлияния территориально локализованных этнодемографических и экономических процессов и структур в целях определения перспективных путей устойчивого, взаимодополняющего и гармоничного социально-экономического развития общества. Этноэкономика формируется как совокупность комплементарных экономических отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления, обусловленная территориальными особенностями природно-ресурсного потенциала, исторически детерминированная и ориентированная в основном на этнически маркированные потребности населения. Не менее важно и то, что этноэкономический феномен в системе формального и неформального хозяйствования экономических субъектов образуется под специфическим воздействием этнодемографического фактора, являющегося носителем определенного, присущего данному этносу цивилизационного кода (генома), обладающего свойством идентификации и самоидентификации.

Авторы считают, что этноэкономика как наука и область практической деятельности:

- исследует специфику воспроизводственных экономических отношений, складывающихся под влиянием этнодемографического фактора, в различных общественно-экономических системах и технологических укладах;
- дает ответ на вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии этнодемографических и экономических процессов, происходящих на различных территориальных уровнях;
- изучает традиционные и новационные формы этноэкономических процессов, их соотношение, координацию и комплементарность;
- рассматривает диффузионные и адсорбирующие (абсорбирующие) свойства этноэкономических явлений и структур в части взаимодействия между автохтонной и аллохонной, привнесенной извне экономической деятельностью;
- имеет дело с экономическим поведением этнически маркированных единиц и комплементарных групп, их выбором по поводу осуществления той или иной производственной и воспроизводственной деятельности;
- определяет этнические и социально-экономические дисбалансы, угрозы и возможности для гармоничного развития территорий;
- оперирует системой дефиниций, индикаторов и набором показателей, позволяющих проводить мониторинг сбалансированного взаимодополняющего существования и саморазвития культурно-этнических организмов в социуме.

Касаясь до сих пор весьма спорных процессов социально-экономических реформ так называемых «младореформаторов», С. Любимцева отмечает, что «разработка и реализация сценариев трансформации экономики нашей страны проводились на основе концепций и рекомендаций западных теоретиков, особенно монетарной экономической школы», что способствовало обезличиванию человека, нации, т.к. «не были приняты во внимание особенности че-

ловека, основанные на его воспитании, образовании, обычаях, традициях, религии, национальной культуры, наличие национальных устремлений» [3. С. 82]. А «национальная экономика – это область экономической деятельности общества людей с их реальными интересами, продиктованными национальным менталитетом, за которым стоят традиции, религия, идеология населения, со своей историей развития, мировоззрением, задачами и особенностями развития. <...> Ценностные компоненты экономических отношений, особенно на макро-уровне, должны стать неотъемлемыми компонентами экономического анализа и выдвигаться в число передовых при выборе и проведении экономической политики» [3. С. 79]. К вопросам избирательности при учете зарубежного опыта экономического развития и регулирования склоняются и ряд других ученых, разделяя общие закономерности экономической деятельности и ее этнические особенности, а также определяя пределы заимствования векторов принятия управленческих решений – «...в ряду специфических особенностей чужого опыта наибольшее социально-экономическое значение имеют именно те характеристики, которые в принципе нельзя перенести из одной страны в другую. К их числу относятся национальные особенности, в т.ч. гражданский и бытовой уклад, религия и обряды, традиции» [4. С. 17]. Наряду с традициями, обычаями, идеологией и культурой значимой характеристикой этноса является национальная психология. А «мировой опыт свидетельствует, что страна преуспевает в основном в тех секторах, которые в наибольшей степени отвечают исторически сложившимся условиям и национальному характеру» [5. С. 38].

Именно цивилизационно-этнический фактор способствует позиционированию каждой этноэкономики как неповторимого полифакторного образования, особого экономического мира, отдельной самобытности, присущей данному этносу. Но в то же время авторы рассматривают этноэкономику не только как изолированную, равновесную, устойчивую целостность, но и как исторически развивающуюся, открытую, неравновесную систему, обладающую свойствами самоорганизации и саморазвития. С течением времени этноэкономика, представляющая собой сложный резонирующий комплекс, в который вовлечен неунифицированный человек, стремится ко все более структурированной организации за счет процессов порождения, рассеивания и накопления неоднородностей. На определенных временных отрезках часть этноэкономических подструктур (микропроцессов) переходит в закрытое гомеостатическое равновесное состояние (реликты), а другая часть продолжает развиваться, накапливая вариации, самоусиливаясь и самоорганизуясь в сторону структурных усложнений, избирательно взаимодействуя с внешней средой. Этническая компонента выступает в качестве импульса самоорганизации этноэкономических систем (исключение – спонтанная самоорганизация), упорядочивая микро- и макропроцессы и формируя фрактальные этноэкономические пространства. Этнические маркеры детерминируют согласованное поведение подсистем и способствуют снижению энтропии, определяя упорядоченность, формируя самоподобные подсистемы и генерируя усложнение организации системы в целом. Как правило, в условиях цивилизационного развития сохраняется и передается определенная система традиций, ценно-

стей, предпочтений, образа жизни, ментальных установок и других психологических особенностей жизнедеятельности этносов (суперэтнуса). Именно цивилизационный (социокультурный) подход нацеливает исследователей на выявление связей между культурой и экономикой, поскольку экономика выступает как составляющая и цивилизационной, и институциональной матрицы, наряду с социальной организацией, политико-идеологическим элементом, религией и другими составляющими.

Этноэкономика, основанная на определенной цивилизационной программе, имеет свой ритм функционирования, собственную деятельностьную структуру, своеобразные информационно-коммуникативные связи, этнические социальные сети с определенной этнопсихологической идентификацией и самоидентификацией, специфические принципы и методы управления и т.д. Этническое начало, выступая неосознанным транзакционным фактором, детерминирует как базовые, так и дополнительные (комплементарные) экономические и идеологические (особенно духовные) институты, определяя тем самым «институциональные рамки» – варианты типов и практики экономического поведения, специфику социальных норм, постоянство и направленность связей и отношений. Базовые институты, не столь подвижные, как дополнительные (комплементарные), отличаются архетипическим характером, выступают историческими инвариантами, объективно сохраняя свою целостность и содержание, а также и этническую идентификацию. Кроме того, с течением времени доминирующие базовые институты, подтвердившие свою эффективность, унаследуются, укореняются и трансплантируются в генетическую память народа, образуя своеобразный метанарратив. Комплементарные институциональные формы, обладая большей пластичностью и подвижностью, способны эволюционно изменяться, усложняя структуру этноэкономики, но только в русле основополагающих базовых институтов, кардинально не деформируя их. Этноэкономика, опираясь на базовые и дополняющие их институциональные формы и подпитываясь ими, упорядочивается, гармонизируется с внешней средой и приобретает дополнительную устойчивость. Однако необходимо учитывать, что этнически маркированные институты и практики могут выступать либо в качестве своеобразной поддержки экономики, образуя глубинную сетевую конструкцию, либо препятствовать экономической деятельности, не вписывающейся теми или иными параметрами в устоявшиеся, предписанные этническими нормами границы. Таким образом, этноэкономика может рассматриваться и как специфическая «экономика соглашений» [6. С. 142].

Этноэкономика разнообразна, множественна, несводима к универсуму вследствие неэкономических (в том числе и этнических) аспектов, целостна, тяготеет к индивидуальному пути исторического развития, обладает собственным генотипом, этническими маркерами, обусловленными цивилизационной матрицей, ее глубинным ядром, которое практически не меняется на протяжении всего существования цивилизации. Это эндогенное ядро (прасимвол), наследуя алгоритмы предшествующих этнических сообществ, создавая доминантную основу экономики и обрстая затем более сложными элементами, генерирует самовоспроизводство этноэкономики, а также вос-

производство всех остальных компонентов цивилизационной матрицы. В качестве типа институциональной матрицы, соответствующей этноэкономическим исследованиям, авторы считают необходимым принять солидаристскую (духовно-идеологическую) модель [7], концентрирующуюся на отношениях, возникающих в процессе создания, сохранения, распространения и потребления духовных ценностей и ориентированную в целом на процессы, не связанные с максимизацией прибыли. Данная матрица более, чем предыдущие, акцентируется на духовной составляющей социально-экономического развития, что особенно важно для генезиса и поступательного функционирования этноэкономики, базирующейся на институтах этнических традиций, норм, правил, устоев, рутин и образе мыслей. Эти институты, связывая духовно-культурную среду с экономическими действиями, образуют «институциональный каркас» [8. С. 62], в рамках которого функционирует экономическая система, придавая этноэкономике не только устойчивость и стабильность, но и определенную инертность.

Этноэкономика эволюционирует посредством смены длительных, но все более ускоряющихся и сжимающихся периодов стабильности (эволюционных стадий) актами бифуркационной активности, обусловленной зарождением и формированием в недрах существующего технологического уклада технико-технологических новаций. Этноэкономика последовательно проходит периоды аграрного, кустарного, промышленного хозяйствования, развития сектора услуг и элементов новой экономики, интегрированных имманентными этническими признаками. При этом особенностью эволюции этноэкономики является сохранение и совместное существование ее «реликтовых», промежуточно-стадийных и современных форм во времени и пространстве. Менее прогрессивные виды специфического этноэкономического хозяйствования зачастую оказываются более эффективными, устойчивыми и гармонизированными с внешней средой, чем технологически или процессно более совершенные и универсализированные.

Цивилизационный подход (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) позволяет, с нашей точки зрения, обосновать уникальность и самобытность каждой этноэкономики, рассмотреть ее цивилизационно-историческую матрицу, показать, что социокультурные особенности этносов, образующиеся в процессе формирования той или иной культуры и цивилизации, являются в диахронной перспективе опорным фундаментом для развития экономических процессов и отношений, детерминируют историческую длительность их существования. Поскольку авторами не ставится задача выявления тождественности, дополнительности, противоречий между категориями культуры и цивилизации, а также определения последовательности их чередования в исторической ретроспективе, то мы придерживаемся понимания цивилизации как некой устойчивой социокультурной общности людей и стран, сохраняющей свое своеобразие и целостность на больших отрезках исторического времени.

В приложении к этноэкономике, по нашему мнению, необходимо рассматривать следующие концепции цивилистики, имеющие значение для данного исследования:

– теория единой цивилизации, мегамицилизации (Ф. Фукуяма);

- теория локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевский и др.);
- теория столкновения цивилизаций (С. Хантингтон);
- теория диалога культур и цивилизаций.

Теория единой цивилизации (вестернизации), постулирующая постепенное движение всех стран мира к единому социально-экономическому и политическому строю (либеральная демократия) с интернационализацией и глобализацией экономик, позволяет соизмерить национальные экономики, определить их общее и особенное, уточнить вектор их движения и перспективы развития в мировом сообществе, соответствие национальных и этнических интересов общечеловеческим ориентирам.

Теория локальных цивилизаций, наоборот, способствует позиционированию каждой этноэкономики как неповторимого полифакторного образования, особого экономического мира, отдельной самобытности, присущей данному этносу.

Концепция столкновения цивилизаций объясняет различия в экономическом развитии тех или иных социумов дифференциацией культур, рассматривает современный мир как многополярный и полицивилизационный и констатирует, что распространение западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации, ни к вестернизации не-западных обществ. Культурное деление общества на Запад и Восток, Север и Юг, их противостояние не привели к универсуму, к однообразию, а только способствовали подтверждению жизнестойкости различных цивилизационных матриц и детерминировали резетнизацию всех сторон жизни этносов, в том числе и экономической сферы. В будущем мире основными источниками конфликтов выступят противоречия культурного порядка, экономические же вызовы не будут играть первоопределяющей роли.

Концепция диалога цивилизаций трактуется весьма многозначно – от интровертного диалога до стирания межцивилизационных границ, от коллективного, коллегиального принятия решений до индивидуальной ответственности в правовых рамках международных систем, от замены «образа врага» на «образ друга» до восприятия многообразия культур как перспективы на пути к совершенствованию и росту. Большинство исследователей она понимается как теория мирного взаимообогащающего межцивилизационного диалога в условиях многополярного мира.

Данная установка позволяет, по мнению авторов, предположить, что различные современные этноэкономики, противостоя друг другу по линиям цивилизационных разломов, в сущности своей непротиворечивы, не являются почвой для глобальных социально-экономических взрывов, не ведут к значительным конфликтам на уровне национальных государств. Каждая этноэкономика имеет право на существование и отстаивает его, защищая свои ценности, мотивы, образцы, бытовые установки, традиционные виды деятельности и т.д., что не противоречит универсальным общецивилизационным ценностям. Этноэкономики, обладая свойством комплементарности, склонны к интегративности в границах собственных цивилизаций и могут под воздействием экзогенных факторов объединяться в надстрановые образования (цивилизационные блоки), группируясь вокруг «стержневых» государств. В то же

время механический перенос этноэкономических принципов и норм, присущих одному этносу, в экономическое пространство другой цивилизации оказывается, как правило, бесполезным, не приводит к позитивным изменениям, а лишь провоцирует отторжение культурно-чуждых элементов. Мировая этноэкономическая мозаика, детерминированная различными культурными квинтэссенциями, подтверждает жизнеспособность этноэкономик, продуцирует экономический динамизм, модулирует цивилизационные ареалы (зоны безопасности) и способна конструктивно корректировать или изменять существующий мировой порядок. Конструктивное взаимодействие между цивилизациями рассматривается в качестве альтернативы конфликтов и заключается в формировании толерантного отношения к чуждой культуре при сохранении собственных цивилизационных идеалов и систем ценностей. Преимущества диалога в преодолении конфронтаций, в том числе и экономического характера, заключаются в том, что данный путь нацелен на совместный коллективный поиск оптимальных вариантов решения тех или иных проблем. Диалогическое мышление позволяет, по мнению авторов, рассматривать этноэкономическую многовариантность как стимул для взаимопознания цивилизационных ментальностей, как посыл для творческого переосмысления этнических традиций, как импульс для формирования новой полиэтнической экономической реальности в границах различных цивилизаций.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: Теория, история, современность. М., 1987.
2. Толковый словарь обществоведческих терминов / Под ред. Н.Е. Яценко 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.slovarnik.ru/html_tsot/6/economika.html.
3. Любимцева С. Экономические теории и российские реформы // Экономист. 2001. № 10.
4. Марцинкевич В. Национальная модель социально-экономического развития (концепция и структура) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1.
5. Павлов К. Национальные особенности экономического поведения // Человек и труд. 2003. № 10.
6. Олейник А. Институциональная экономика // Вопросы экономики. 1999. № 1.
7. Меньшикова Г.А., Павенкова М.В. Институциональные матрицы в России // Социологический журнал. 2001. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sj.obliq.ru/article/427?print=yes>.
8. Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. М., 2002.
9. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.edik.ru/res/art_res/art_64029.html.